
Алиса Мунн
Вдова старого поместья
18+

Алиса Мунн

Вдова старого поместья

«Автор»
2026

Мунн А.

Вдова старого поместья / А. Мунн — «Автор», 2026

Изабелла рано овдовела — и в пустых комнатах старого особняка одиночество овладело ей. Холодные стены, тяжёлые шторы и тишина. Но ее тело жаждало ласки, и она позволила себе слабость: редкие встречи с юным слугой — чтобы почувствовать себя желанной.Но покой рушится в один вечер: появляется новый супруг. Он красив и суров: его взгляд скользит по комнате, по ней — и становится ясно: здесь будет только его власть. Для него Изабелла — не хозяйка дома, а женщина, которую он намерен подчинить и разжечь заново.Теперь ей придётся признать, что в его жёсткой воле есть притяжение, перед которым невозможно устоять.

© Мунн А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Тишина и жажда 5
Глава 2 Изабелла 8
Глава 3 Тайные желания 11
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Алиса Мунн
Вдова старого поместья

Глава 1 Тишина и жажда

Изабелла лежала в огромной кровати под тяжёлым бархатным балдахином, и сон не шёл к ней. Резные столбы из тёмного дуба терялись в сумраке, а за окном, затянутым плотными шторами, глухо завывал сентябрьский ветер. Простыни были холодны, как мрамор, и сколько бы она ни куталась в стёганое одеяло, тепло не приходило. Оно давно покинуло эту спальню — с тех пор, как гроб с телом покойного мужа вынесли через парадные двери.

Она повернулась набок, потом на спину. Тонкая сорочка из батиста собралась складками у бёдер, обнажая ноги. Изабелла прикрыла глаза, пытаясь вспомнить, когда в последний раз чувствовала рядом живое тепло. Муж был старше её на тридцать лет, и его прикосновения больше напоминали обязанность, чем ласку. Но даже они ушли уже год назад. Осталась лишь пустота — и тело, которое упрямо напоминало о себе.

Внизу живота тянуло знакомой, тягучей истомой. Изабелла вздохнула и провела ладонью по груди, сквозь тонкую ткань ощущая, как напряглись соски. Она быстро отдёрнула руку, словно обожглась. Нельзя. Не так.

Она потянулась к колокольчику на прикроватном столике. Серебряный язычок звякнул, отозвавшись эхом в пустых коридорах. Изабелла подождала. Тишина.

— Лизи! — позвала она, но голос прозвучал хрипло и неуверенно. — Лизи, воды…

Ни шагов, ни скрипа половиц. Служанка, видимо, спала беспробудным сном на чердаке, или, того хуже, тайком улизнула в деревню. Изабелла вздохнула и откинула одеяло.

Холодный воздух мгновенно обжёг кожу. Она сунула ноги в мягкие домашние туфли, накинула на плечи тёплую шаль и, прихватив с собой подсвечник с единственной свечой, выскользнула в коридор.

Особняк спал. Тяжёлые шторы в галерее чуть колыхались от сквозняка, а тени метались по стенам. Портреты предков в золочёных рамах провожали её пустыми глазами. Изабелла шла медленно, стараясь не шуметь, хотя кого ей было бояться? Дом был пуст, как и её сердце.

Но тело не хотело покоя. С каждым шагом ткань сорочки скользила по бёдрам, и это простое прикосновение отзывалось внизу живота томительной дрожью. Она вспомнила, как утром молодой конюх помогал ей сесть в седло — его сильные руки на её талии, короткое, нечаянное касание. Он был юн, красив и смотрел на неё с плохо скрытым восхищением. Изабелла тогда отвернулась, но сейчас, в темноте, это воспоминание обожгло её стыдом и чем-то ещё… желанием.

Из кухни пахло остывшей золой и сушёными травами. Дверь была приоткрыта на ладонь, и из щели сочился слабый рыжий свет — кто-то оставил здесь огарок свечи или растопил очаг. Изабелла уже взялась за холодную железную ручку, когда услышала звук.

Тихий, сдавленный смех. Потом — шорох ткани и глухой стук, словно что-то тяжёлое прижали к краю дубового стола.

Изабелла замерла. Сердце сначала пропустило удар, а потом забилось часто-часто, отдаваясь в висках. Она не должна смотреть. Воспитанная леди не должна подглядывать за прислугой. Но тело не слушалось — она прислонилась к двери и заглянула в комнату.

В неровном свете свечи она увидела кухню, залитую тенями. На краю большого стола, того самого, где днём разделывали мясо и раскатывали тесто, лежала кухарка Лизи. Её широкая юбка была задрана до бёдер, корсаж сполз с одного плеча, и грудь тяжело вздымалась над расшнурованным воротом. А между её раздвинутых колен стоял Бэн — молодой конюх, которого Изабелла видела утром. Его рубаха была расстёгнута, тёмные волосы прилипли ко лбу, и он двигался медленно, ритмично, удерживая Лизи за бёдра.

Изабелла видела не всё — ворох задранной юбки и полумрак скрывали самое сокровенное, — но она видела достаточно. Видела, как Лизи запрокинула голову, как её пальцы вцепились в край стола, как Бэн наклонился и что-то прошептал ей в шею, отчего она всхлипнула и подалась ему навстречу.

Внизу живота у Изабеллы разлилось горячее, тягучее тепло. Оно поднималось к груди, к горлу, мешая дышать. Тонкая сорочка вдруг стала тесной, соски заныли, и она почувствовала, как ткань натирает их при каждом вдохе. Рука, державшая подсвечник, дрогнула — воск капнул на пол.

Она должна была уйти. Должна была кашлянуть, окликнуть их, напомнить, кто здесь хозяйка. Но вместо этого Изабелла прижалась плечом к холодной стене и закрыла глаза, слушая.

Скрип стола. Сбитое дыхание. Тихий, гортанный стон Лизи — и тут же ладонь Бэна, зажавшая ей рот. «Тише, тише…» — прошелестело в темноте.

Изабелла почувствовала, как её собственные бёдра непроизвольно сжались, а между ними стало влажно и горячо. Стыд обжёг щёки, но вместе с ним пришло острое, почти болез-

ненное возбуждение. Она стояла в коридоре, в одной рубашке, прижимая к груди шаль, и смотрела, как двое слуг берут друг у друга то, чего она была лишена так долго.

Она не знала, сколько это длилось. Может, минуту, может, больше. Но когда Лизи глухо вскрикнула и Бэн замер, уткнувшись лицом в её плечо, Изабелла наконец отступила от двери. Ноги были ватными, сердце колотилось в груди.

Она сделала шаг назад — и половица под её туфлей предательски скрипнула.

Внутри кухни всё стихло. Изабелла зажала рот ладонью и, не дыша, скользнула в тень коридора. За спиной послышался торопливый шёпот и шорох опускаемой юбки.

Она почти бежала обратно мимо портретов, мимо тяжёлых штор, — пока не оказалась в своей спальне. Закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и сползла на пол, всё ещё сжимая подсвечник.

Пламя свечи дрожало. Дрожала и она.

Между ног было горячо и влажно, но стоило закрыть глаза — жар начал остывать, уступая место знакомой ноющей пустоте.

Она только что видела, как двое делят друг с другом тепло, смех и сбитое дыхание, как чужие ладони удерживают, не отпускают. А её спальня, огромная и тёмная, снова встречала её одна: холодные простыни и тишина.

Изабелла сползла на пол, обхватила себя руками, но это не могло заменить чужого тепла. Она была хозяйкой этого дома — и самой одинокой женщиной в нём.

Глава 2 Изабелла

Изабелла росла в деревне, в родительском доме. Она была третьей дочерью и самой младшей. Отец души в них не чаял и баловал их как мог. Изабелла была его любимицей и самой бойкой из сестёр. Пока они учились вышивать и петь, Изабелла лазила по яблоням в саду, скакала на старой лошади через луга и возвращалась домой с растрёпанными волосами и горящими щеками. Её длинные волосы цвета воронова крыла развивались на ветру, и она хохотала так звонко, что матушка выглядывала из окна и грозила ей полотенцем.

— Мисс Изабелла! Леди не смеются так громко!

— А я и не леди! — отвечала она и пускала клячу в галоп.

Но шли годы. Отец обеднел. Приданого не было, а Долги росли. Смех Изабеллы звучал всё реже — сначала дома, потом и в саду. Она видела, как старших сестёр выдают замуж: Кейт — за вдовца с тремя детьми, Мэри — за толстого купца с неприятным запахом. Видела, как мать всё чаще вздыхает и всё реже смотрит ей в глаза.

Впервые Изабелла увидела Джорджа Брука в конце октября, за месяц до свадьбы. Ей было девятнадцать.

Отец велел надеть лучшее платье — тёмно-синее, которое было великовато в талии, потому что шилось ещё на старшую сестру. Изабелла стояла в гостиной, выпрямив спину, и слушала, как в прихожей кто-то кашляет. Потом дверь отворилась, и вошёл он.

Высокий, широкоплечий, в тёмном сюртуке и начищенных сапогах. Седину на висках и морщины у глаз говорили о годах. Ему было пятьдесят три. Барон Джордж Брук не улыбнулся. Он окинул её взглядом — быстрым, оценивающим, словно осматривал лошадь на ярмарке: рост, стать, здоровье. Потом кивнул отцу:

— Хороша. Здорова.

Кровь прилила к щекам Изабеллы. Не от смущения, а от унижения. Он говорил о ней, как о племенной кобыле. Она хотела ответить резко, звонко рассмеяться ему в лицо и убежать. Но отец сжал её локоть незаметно, предупреждающе, и она промолчала.

За чаем Джордж был вежлив, но немногословен. Говорил о землях, об урожае, о ценах на шерсть. Один раз упомянул первую жену, коротко, без эмоций: «Элизабет была тихой женщиной. Бог не дал нам наследника». И замолчал, глядя в чашку. Изабелла заметила, как дрогнула его рука, и на секунду ей стало его жалко. Но только на секунду.

Когда он уехал, отец закрыл дверь и обернулся с довольной улыбкой:

— Всё решено. Венчание через месяц.

Изабелла стояла в прихожей, всё ещё чувствуя на себе его оценивающий взгляд, и вдруг поняла: её жизнь только что решили без неё. Как решают, продать вещь или куда переставить шкаф. Она открыла рот, чтобы возразить, но отец уже ушёл в кабинет, а мать отвела глаза.

В ту ночь Изабелла не спала. Лежала в узкой девичьей постели и смотрела в потолок. За окном шёл дождь, и капли стучали по стеклу. Она думала о том, что через месяц станет женой человека, который старше её на тридцать четыре года. Что будет жить в чужом доме, среди чужих людей. И Изабелла впервые за много лет заплакала. Тихо, в подушку, чтобы никто не услышал.

Через месяц её вывели к алтарю.

Она стояла в маленькой холодной церкви в том же жалком тёмно-синем платье. Свечи дрожали, священник что-то бурчал под нос, а за спиной шептались соседские дамы. Изабелла не оборачивалась. Она смотрела на Джорджа, на его сухие губы, на складку между бровями и на седые волосы. Когда ее спросили, согласна ли она, Изабелла ответила «да», но голос прозвучал неуверенно и тихо. Словно последний отголосок беззаботной юности.

Дартли-Холл стоял на возвышенности. Огромное поместье с прилежащими землями, садом и конюшней. Двухэтажный дом с тёмными коридорами, скрипучими полами и запахом старой мебели. Джордж оказался человеком строгих правил: ужин ровно в шесть, молитва перед сном, короткий супружеский долг раз в неделю — быстро, без слов, без поцелуев. Он не был жесток. Он был равнодушен. И это оказалось хуже.

Изабелла пыталась полюбить мужа. Искала в нем положительные черты: любовь к книгам, аккуратность, тихую гордость за сад, который он разводил сам. Она старалась быть веселой, смеялась при нём — звонко, искренне, надеясь растопить лёд. Начала заниматься домашними делами, желая быть хорошей хозяйкой в его доме. Но Джордж только морщился. Ему нельзя было угодить.

Дети не появились. Год шёл за годом, и с каждым месяцем Джордж становился всё холоднее, словно винил её в том, что она не оправдала ожиданий. Он никогда не говорил об этом прямо. Но Изабелла видела: он смотрел на неё и вспоминал ту, первую жену. Ту, что умерла, пытаясь дать ему сына.

Он умер на четвёртую зиму от чахотки, мучился несколько месяцев и однажды ночью перестал дышать. Изабелла проснулась от того, что рядом стало слишком тихо. Потрогала его холодную руку и поняла, что осталась одна в этом огромном доме.

Похороны были скромными. Соседи шептались, что молодая вдова теперь получит всё состояние. Изабелла слушала эти пересуды и молчала. Да, она получила дом, земли и деньги. Но получила и другое — свободу, с которой не знала, что делать.

Первый год вдовства прошёл тяжело. Она носила чёрное, принимала соболезнования, разбирала бумаги мужа и принимала дела. А по ночам лежала в огромной кровати под балдахином и слушала тишину. Иногда ей казалось, что она сходит с ума.

Дом не пустовал, хотя Изабелле порой казалось иначе.

Старая кухарка Маргарет — женщина лет пятидесяти, с красными руками и добродушным, но хитрым лицом — служила в Дартли-Холле ещё при первой жене Джорджа и относилась к молодым хозяйке с уважением. Она не задавала лишних вопросов, не сплетничала с соседскими слугами и умела готовить так, что даже скудный ужин казался праздником. Изабелла ценила её — и в то же время чувствовала себя рядом с ней неловко, будто и не была хозяйкой поместья.

Служанка Лизи — худая, бледная, с огромными серыми глазами — появилась в доме года три назад. Она была юной, неловкой и до смерти боялась хозяйку. Лизи выполняла работу молча и быстро, но стоило Изабелле позвонить в колокольчик, как девушка появлялась с таким испуганным лицом, словно её вызывали на казнь.

А несколько месяцев назад в конюшне появился новый работник — Бэн.

Его привёл старый дворецкий Сэмюэль, который вёл все дела в Дартли-Холле ещё с тех пор, как Джордж был молод. Сэмюэль был сух, педантичен и предан дому больше, чем его хозяевам. Он знал, где протекает крыша, сколько сена нужно на зиму и какие счета можно отложить, а какие — нет. После смерти Джорджа именно Сэмюэль взял на себя заботу о хозяйстве и о самой Изабелле: приносил бумаги на подпись, докладывал о расходах, советовал, кого из слуг оставить, а кого рассчитать. Он никогда не переступал границы дозволенного, но в его присутствии Изабелла всегда чувствовала себя под присмотром — словно строгий дядюшка следил, чтобы вдова не наделала глупостей.

Бэна он взял на место старого конюха, который спился и ушёл в город. Парень был молод — лет двадцати пяти, красивый, хорошо сложенный, темноволосый и с руками, привыкшими к тяжёлой работе. Он чистил лошадей, чинил упряжь, колол дрова и смотрел на Изабеллу слишком прямо для слуги. Не дерзил, не заговаривал первым, но его взгляд — тёмный, внимательный — она ловила на себе чаще, чем следовало.

Так и жили: Маргарет на кухне, Лизи в тени коридоров, Сэмюэль над бумагами, Бэн в конюшне. Четверо слуг и одна хозяйка.

Глава 3 Тайные желания

Утро было серым и холодным. Изабелла проснулась с чувством стыда, мучительным и неприятным.

Она лежала в постели, глядя в потолок, где резные дубовые балки терялись в тени, и пыталась убедить себя, что ничего не было. Ну, подумаешь, пошла ночью на кухню. Ну, увидела. С кем не бывает? Слуги — тоже люди, у них своя жизнь, свои желания. Она хозяйка, она не должна об этом думать и тем более стесняться увиденного.

Но тело не слушалось. Оно помнило.

Помнило, как Лизи запрокинула голову, как её пальцы вцепились в край стола, как Бэн наклонился к её шее. Помнило скрип дерева и сбитое дыхание. И внизу живота снова начинало тянуть.

Изабелла резко села. Нет. Хватит. Она отбросила одеяло, сунула ноги в туфли и подошла к умывальнику. Вода была ледяной, отрезвляющей.

За завтраком она была рассеянной. Овсянка казалась опилками, чай — водой. Мэри стояла у стены, потупив глаза, и Изабелла поймала себя на том, что смотрит на неё и думает: а ты знаешь? Ты слышала что-нибудь? Или ты тоже… нет. Глупости.

Сэмюэль пришёл с бумагами ровно в десять. Он разложил их перед ней — счета, письма, распоряжения — и начал говорить своим сухим, размеренным голосом. Изабелла кивала, но не вникала. Перед глазами стояли руки Бэна — сильные, с мозолями на ладонях, — и то, как они держали Лизи за бёдра.

— Миссис Брук? — Сэмюэль замолчал и посмотрел на неё поверх очков. — Вы меня слушаете?

— Да, конечно, — сказала она слишком резко. — Продолжайте.

Сэмюэль помолчал, потом продолжил — медленнее, словно взвешивая каждое слово. Изабелла сжала перо пальцами. Она теряла контроль. А хозяйка дома не имеет права терять контроль.

Когда Сэмюэль ушёл, она отложила бумаги и подошла к окну. Внизу, за лужайкой, виднелась конюшня. Дверь была открыта, и внутри кто-то двигался — высокий и ловкий. Бэн.

Изабелла отвернулась. Но через минуту снова посмотрела.

К обеду она нашла повод выйти в сад. Якобы проверить, как идёт ремонт крыши над восточным крылом — Сэмюэль говорил, что рабочие обещали начать на этой неделе. На самом деле ей просто нужно было выйти из дома, подышать свежим воздухом, отвлечься.

Сад был тихим, листья уже почти совсем пожелтели, легкий ветерок колыхал их, и некоторые не в силах удержаться опадали на землю. Дорожки были расчищены, но клумбы стояли голые и безжизненные. Изабелла шла медленно, кутаясь в шаль, и смотрела по сторонам. У конюшни было оживлённо: Бэн выводил лошадь — гнедую кобылу, которую Джордж купил за год до смерти.

Она не собиралась подходить. Правда, не собиралась. Но ноги сами свернули на дорожку.

— Доброе утро, госпожа, — сказал Бэн, заметив её. Он не поклонился — только кивнул, держа повод в руке. — Вы рано сегодня.

— Не спится, — ответила Изабелла и тут же прикусила язык. Зачем она это сказала? Ему-то какое дело?

Бэн посмотрел на неё внимательно, но ничего не сказал. Лошадь переступила с ноги на ногу и фыркнула, и он погладил её по шее — медленно, уверенно, словно успокаивая.

— Она захромала, — сказал он. — Вчера вечером заметил. Камень попал в копыто, я вытащил, но она всё равно бережёт ногу.

Изабелла подошла ближе. Она немного разбиралась в лошадях, отец держал одну, на которой она скакала в детстве, — и сейчас ей захотелось посмотреть. Бэн приподнял копыто, показывая, и она наклонилась, вглядываясь в тёмную поверхность.

— Здесь, — сказал он, и его палец коснулся её ладони, направляя. — Видите? Вот здесь было.

Прикосновение было коротким, почти случайным. Но Изабелла почувствовала его кожей — тёплое, шершавое. Она отдернула руку и выпрямилась.

— Да, вижу, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Спасибо, Бэн.

Он кивнул и отпустил копыто. Кобыла снова фыркнула и тряхнула головой.

— Вы давно здесь служите? — спросила Изабелла, хотя знала ответ.

— Четвёртый месяц, госпожа. Сэмюэль взял меня, когда старый Том ушёл.

— И как вам здесь?

Бэн помолчал, словно обдумывая ответ.

— Тихо, — сказал он наконец. — Лошади хорошие. Работа есть. Мне нравится.

Изабелла кивнула. Она хотела спросить что-то ещё, что-то, что не имело отношения к лошадям и работе, но вместо этого просто сказала:

— Если ей станет хуже, скажите Сэмюэлю. Пусть вызовет кузнеца.

— Конечно, госпожа.

Она повернулась и пошла обратно к дому. Спиной чувствовала его взгляд — тёмный, внимательный, — и ускорила шаг.

На кухне пахло свежим хлебом. Маргарет стояла у очага, помешивая что-то в большом котле, и обернулась, когда Изабелла вошла.

— Госпожа? Вам что-нибудь нужно?

— Нет, — сказала Изабелла. — Просто… хотела посмотреть, как дела.

Маргарет вытерла руки о передник и посмотрела на неё с тем добродушным, но хитрым выражением, которое Изабелла хорошо знала.

— Дела как обычно, госпожа. Хлеб готов, бульон варится. Скоро будет обед.

Изабелла кивнула. Маргарет смотрела на неё спокойно, без тени неловкости или стыда. Словно ничего не знала.

— Хорошо, — сказала Изабелла. — Спасибо, Маргарет.

Она вышла из кухни и прислонилась к стене в коридоре. Сердце колотилось. Маргарет ничего не подозревала о Лизи и Бэне. Или делала вид.

Днём она позвонила в колокольчик. Лизи прибежала почти сразу — запыхавшаяся, с испуганным лицом.

— Госпожа? Что-то случилось?

— Нет, — сказала Изабелла. — Принеси мне воды, пожалуйста.

Лизи кивнула и уже повернулась, чтобы уйти, но Изабелла остановила её:

— Лизи, подожди.

Служанка замерла.

— Ты давно здесь служишь?

— Три года, госпожа, — ответила Мэри, не поднимая глаз.

— А Бэн… — Изабелла помолчала, подбирая слова. — Он давно у нас?

Лизи замялась. Её пальцы теребили край передника.

— Четвёртый месяц, госпожа. Сэмюэль взял его, когда старый Том ушёл.

— Он хороший работник?

— Да, госпожа. Лошади его слушаются. Он… — Лизи запнулась. — Он спокойный. Не пьёт. Не грубит.

Изабелла кивнула. Она хотела узнать о конюхе больше, но боялась, что её неожиданный интерес её выдаст.

— Хорошо. Иди.

Лизи выскользнула за дверь, и Изабелла осталась одна. Она смотрела на закрытую дверь и думала: «Что я делаю? Что я, чёрт возьми, делаю?»

Вечером она снова пошла к конюшне. На этот раз повод был другой — она сказала себе, что хочет проверить, как гнедая кобыла. Но когда она подошла, Бэн был не один: рядом с ним стоял Сэмюэль, и они о чём-то говорили — тихо, серьёзно. Изабелла остановилась в тени стены и прислушалась.

— …ремонт крыши откладывается, — говорил Сэмюэль. — Рабочие требуют больше, чем мы можем заплатить. Я думаю, до весны придётся подождать.

— А если весной дожди? — спросил Бэн. — Потолок в галерее не выдержит и потечет.

— Знаю, — сухо сказал Сэмюэль. — Но денег нет. Миссис Брук подписала счета — я показывал. Она понимает.

Изабелла вышла из тени.

— Сэмюэль, — сказала она, и оба мужчины обернулись. — Я хотела бы обсудить ремонт. Сейчас.

Сэмюэль моргнул, но быстро взял себя в руки.

— Конечно, миссис Брук. Мы как раз…

— Я слышала, — перебила она. — Вы сказали, что денег нет. Что придётся ждать до весны.

Повисла пауза. Бэн стоял, глядя в сторону, и Изабелла чувствовала, что он слушает — внимательно, не пропуская ни слова.

— Это правда, миссис Брук, — сказал Сэмюэль. — Я не хотел вас тревожить. Вы подписали счета, и я…

— Я подписала счета, — повторила Изабелла. — Но это не значит, что я не хочу знать, на что уходят деньги. И это не значит, что вы можете решать за меня.

Сэмюэль опустил глаза. Впервые за всё время, что она его знала, он выглядел смущённым.

— Простите, миссис Брук. Я не хотел вас обидеть.

Изабелла вздохнула. Гнев уходил, оставляя после себя усталость.

— Завтра утром принесите мне все счета по ремонту, — сказала она. — Я хочу видеть цифры. Все. И мы решим вместе.

Сэмюэль кивнул. Бэн по-прежнему смотрел в сторону, но уголок его рта чуть приподнялся — едва заметно. Изабелла сделала вид, что не заметила.

— Доброй ночи, — сказала она и повернулась к дому.

— Доброй ночи, миссис Брук, — отозвались оба.

Когда она уходила, то спиной чувствовала взгляд Бэна. И этот взгляд был не таким, как раньше. В нём было что-то ещё — не только восхищение, но и уважение. Или, может, ей просто показалось.

Ночью она не спала.

Лежала в постели, все время ворочаясь, и думала о том, как он сказал: «Вы рано сегодня». Как его палец коснулся её ладони. Как он смотрел на неё — прямо, без страха, без подобострастия.

Тело ныло. Между ног было горячо, и Изабелла злилась на себя за это. Она хозяйка. Он слуга. Так не должно быть. Так нельзя.

Но тело не слушало.

Она повернулась набок, потом на другой. Простыни были холодными, подушки — жесткими. Она взбила их, потом снова легла. За окном выл ветер, словно убаюкивая ее.

Она заснула только под утро, когда серое небо начало светлеть.

Утром она снова нашла повод пойти к конюшне. На этот раз — ставня в её спальне разболталась, и она хотела, чтобы Бэн посмотрел, можно ли её починить. Это был глупый повод — ставней мог заняться и Сэмюэль, — но Изабелла подумала, что Сэмюэль занят бумагами, а Бэн всё равно работает во дворе.

Она стояла в спальне, когда он вошёл. Высокий, в рабочей рубахе. Он оглядел ставню, потом окно, потом — её. Изабелла почувствовала, как кровь приливает к щекам.

— Вот здесь, — сказала она, указывая на петлю. — Она болтается. Я думала, вы сможете починить.

Бэн подошёл ближе. Он был так близко, что она чувствовала запах — сена и его тела. Он наклонился к ставне, и его плечо почти коснулось её руки.

— Петля разболталась, — сказал он. — Просто нужно подтянуть. Я сделаю. У меня есть инструмент.

Он выпрямился. Их лица оказались совсем рядом — ближе, чем позволяли приличия. Изабелла смотрела в его глаза — тёмные, спокойные — и не могла отвести взгляд.

— Бэн… — начала она, не зная, что сказать.

Он не отступил. Наоборот — поднял руку и коснулся её запястья. Легко, почти невесомо. Но этого было достаточно.

Изабелла замерла. Она должна была отстраниться. Должна была сказать «не надо». Должна была вспомнить, кто она и кто он.

Но вместо этого она стояла, чувствуя, как его пальцы скользят по её коже, и слушала, как в тишине спальни стучит её собственное сердце.

А потом в коридоре послышались шаги.

Изабелла отшатнулась. Бэн отступил на шаг, опустив руку. Дверь приоткрылась — на пороге стояла Лизи с недоумённым лицом.

— Госпожа? Пора… пора завтракать.

— Спасибо, Лизи, — сказала Изабелла, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Уже иду.

Лизи бросила быстрый взгляд на Бэна и удалилась, закрыв дверь.

Изабелла посмотрела на него.

— Идите, — сказала она тихо. — Почините ставню. И… не приходите больше в дом без моего разрешения.

Бэн кивнул. В его глазах не было обиды — только понимание.

— Как скажете, госпожа.

Он вышел. Изабелла осталась одна, прижимая руку к груди, где бешено колотилось сердце. Она знала: что-то началось. И она не была уверена, что сможет это остановить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.